

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 82-391, 82-91, 398-21, 398-51

DOI 10.17223/18137083/84/5

«Повесть о царе и его дочери» в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков: параллели и возможные источники

Любовь Александровна Курышева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Аннотация

Сравнительно недавняя находка рукописной «Повести о царе и его дочери», в основе которой лежит сюжет о мертвой царевне, привела к пересмотру принятой датировки «полной сборки» международного сказочного сюжета АТУ 709. Обнаружение русского манускрипта, относящегося к концу 1710-х – 1730-м гг., сдвигает фиксацию сюжета по меньшей мере на столетие. В статье прослежены связи «Повесть о царе и его дочери» с сюжетно-мотивным фондом рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. Высказана версия о возникновении «Повести о царе и его дочери» под влиянием двух беллетристических произведений – «Повести о царевне Персике» (рубеж XVII–XVIII вв.) и «Повести об Аполлонии Тирском» (до 1670-х гг.).

Ключевые слова

русская литература XVII–XVIII вв., фольклор и литература, рукописная беллетристика, волшебная сказка, АТУ 709 (Мертвая царевна, или Волшебное зеркало)

Для цитирования

Курышева Л. А. «Повесть о царе и его дочери» в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков: параллели и возможные источники // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 65–84. DOI 10.17223/18137083/84/5

© Курышева Л. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 65–84
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 65–84

“Povest’ o tsare i ego docheri” in the context of Russian fiction of the 17th – 18th centuries: parallels and possible sources

Lyubov A. Kuryшева

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Abstract

Recently, the handwritten “Povest’ o tsare i ego docheri” (“The Tale of the Tsar and his Daughter”) was discovered. Since this tale was found to be based on the Snow White plot, the discovery has led researchers to revise the accepted dating of the “complete assembly” of the international fairy tale plot ATU 709. Until now, the Snow White plot has been considered to have appeared at the end of the 18th century. The Russian manuscript was identified to date to the late 1710s–1730s, shifting the fixation of the entire plot by at least a century. The question of the origin of the monument remains open. The article traces the connections between “Povest’ o tsare i ego docheri” and the plot-motive fund of the 17th – 18th-centuries Russian handwritten fiction. The most remarkable structural and plot-motif similarity of the literary monument concerned was revealed with The Tale of the Princess Persika (the turn of the 17th–18th centuries) and some episodes of The Apollonius of Tiresias Tale (until the 1670s). Several textual similarities have also been found. Moreover, some seemingly unmotivated episodes of new-found tale can be explained only through these monuments. The brevity of the narrative in “Povest’ o tsare i ego docheri” compared to its sources is similar to how “Povest’ o tsaritse i l’vitse” (The Tale of the Tsarina and the Lioness) correlates with its source “Istoriya o tsesare Otone” (The Story of Caesar Oton). The above fact raises the question of whether these Russian treatments of popular stories belong to one scribe or one creative school.

Keywords

Russian literature of 17th – 18th centuries, handwritten fiction, folklore and literature, fairy-tale, ATU 709 (Snow-White)

For citation

Kuryшева L. A. “Povest’ o tsare i ego docheri” in the context of Russian fiction of the 17th – 18th centuries: parallels and possible sources. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 65–84. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/5

Сравнительно недавняя находка «Повести о царе и его дочери»¹, в основе которой лежит сюжет о мертвой царевне, привела к пересмотру принятой датировки «полной сборки» международного сказочного сюжета АТУ 709². До сегодняшнего дня исследователи связывали его возникновение с концом XVIII в. [Kawan, 2008]. Обнаружение русского манускрипта, датируемого концом 1710-х – 1730-ми гг., сдвигает фиксацию полного сюжета по меньшей мере на столетие³.

¹ Единственный известный список этого памятника озаглавлен «Повесть о некоем царе и о дочери его», для большего удобства мы упростили название.

² АТУ – Aarne A., Thompson St., Uther H.-J. Index of international folktales. URL: <https://www.duchas.ie/en/aath> (дата обращения 16.07.2023).

³ Освещение этого вопроса представлено в специальной статье: Кuryшева Л. А. Сказочный сюжет о мертвой царевне в русской беллетристике XVIII в. (в печати).

Литературные традиции, в которых написана повесть, связывают этот памятник с русской словесностью второй половины XVII – начала XVIII в.⁴ Однако вопрос о происхождении памятника остается открытым. С одной стороны, в нем нет никаких черт языковых заимствований, что могло бы указать на его инокультурное происхождение. С другой – нам известны русские адаптации иноязычных литературных памятников, в которых нет и следа их источника⁵.

В настоящей статье мы попытаемся понять, насколько «Повесть о царе и его дочери» связана с сюжетно-мотивным фондом русской рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. и есть ли в нем произведения особенно близкие к новонайденному литературному памятнику.

Мы уже указывали на то, что «Повесть о царе и его дочери» соответствует популярному в русской словесности с конца XVII в. целому классу беллетристических произведений о невинно гонимых героинях [Курышева, 2017, с. 256–257]⁶. Двигателем сюжета в этих произведениях служит преследование злой женой (мачехой, свекровью) добродетельной невинной жены (падчерицы, невестки)⁷. В первую очередь в этот круг литературных памятников входят переводной роман о цесаре Отоне (1677) и возникшие на его основе оригинальные русские переработки – «Повесть о царице и львице» и относимая к Петровскому времени «Повесть о римском цесаре Антонии»⁸, а также датируемая рубежом XVII–XVIII вв. «Повесть о царевне Персике»⁹. Кроме того, сюжет о преследовании красивой и добродетельной девицы имеется в «Повести об Аполлонии Тирском», а именно в истории о дочери Аполлония – Тарсисе¹⁰.

Исследователь европейских и американских сказок о Белоснежке (ATU 709), сюжетному типу которого соответствует наша «Повесть о царе и его дочери», С. С. Джонс выделил обязательные этапы этого сюжета: преследование мачехой красавицы-падчерицы, неудачное покушение на девушку и ее спасение, повторное покушение, ее смерть и оживление, свадьба и наказание злодейки [Jones, 1979]. Далее мы пойдем по узловым моментам сюжета и деталям «Повести о царе и его дочери», отмечая параллельные мотивы из популярных произведений того времени.

Экспозиция действия: злая мачеха и красавица-падчерица. Завязкой в «Повести о царе и его дочери» является смерть царицы, которая оставляет супругу маленькую дочь, столь же красивую, как она. Несмотря на предостережение умирающей, царь женится повторно.

Наибольшую сюжетную близость выявляет сопоставление «Повести о царе и его дочери» с «Повестью о царевне Персике». Совпадают начала обоих памят-

⁴ Публикация и исследование списка: [Курышева, 2017].

⁵ К таким произведениям относится «Повесть о Флорине», адаптированный перевод французской сказки о Голубой птице М.-К. д’Онуа, в котором нет отступлений от авторского сюжета, и в то же время произведена полная перелицовка в соответствии с «московским» укладом: [Курышева, Карева, 2022].

⁶ Мысль о популярности двух типов сюжетов – о разборчивой невесте и о невинно гонимой героине – была высказана Е. К. Ромодановской [1994, с. 154–159].

⁷ К этому классу повестей относится также упомянутая «Повесть о Флорине».

⁸ Исследование памятников: [Чалкова, 1985; 2011; 2012; Małek, 2021].

⁹ Исследование памятника: [Мальшев, 1961; Кузьмина, 1958; 1968].

¹⁰ Перевод с польского получил распространение в России с середины XVII в., затем, не позднее 1670-х гг., возникла русская дидактическая редакция произведения. Исследование памятника: [Соколова, 1977; 1979; 1980; 1982].

ников: женитьба на красивой и добродетельной женщине, рождение дочери-красавицы, которая впоследствии также являет пример доброго христианского поведения, предостережение находящейся на смертном одре царицы, адресованное супругу, от повторной женитьбы, ее смерть, горе царя и поиск новой царицы по настоянию окружения, столь же красивой, как прежняя. Перечисленные мотивы хотя и присутствуют в обеих повестях, но «Повесть о царе и его дочери» обнаруживает более краткое изложение событий по сравнению с «Повестью о царевне Персике».

Кроме того, сличение повестей в деталях обнаруживает незначительные расхождения, которые можно отнести к авторским решениям. Так, сходствует наказ умирающей, но ситуация отсутствия наследника мужского пола и выход из нее намечены по-разному. В «Повести о царе и его дочери» царица убеждает мужа выдать замуж дочь, чтобы царству был наследник (Повесть о царе и его дочери, с. 259). В «Повести о царевне Персике» наказ матери более развернутый: дочери – не удаляться от Богородицы и поминать мать, болгарскому царю Михаилу – не жениться повторно, а если жениться, то иметь попечение о дочери (Повесть о царевне Персике, с. 256).

В обеих повестях звучит тема возможной гибели царства без наследника мужского пола, на чем настаивает ближнее окружение царя: «Царь Михаил Болгарский вдовствовал и в печали велицей пребываше о смерти царицы своея Александры... “...Царство наше аки крин процветаше тогда, егда премудрая царица жена твоя Александра здравствовала; ныне же воистину потемне, едина ти сущу. И ныне возможно ти есть паки и второму браку приобщитися”» (Повесть о царевне Персике, с. 257); «Государю наш, что ты сердце свое изнуряеш и долгое время не пойш себе царицы, а нам, государь, после себя правителя не оставляеш? *И все наше царство тщетно будет*» (Повесть о царе и его дочери, с. 259).

Поиски достойной невесты описаны в сходных выражениях:

Повесть о царевне Персике

Царь Михаил повелевает *«подицятися изыскати в красоте подобну бывшей царице Александре!»* «Тогда министры поидоша спешно повеленнаго дела исполняти и проидоша многие страны своего царства. И не обретоша. Также поидоша и во иныя государства искати. И в некоем государстве от африкийских стран обретоша некую великую княжню, зело прекрасну, именем Люцию» (с. 257).

Повесть о царе и его дочери

«И царь, забыв заповедь жены своея, повелевает им *прибрать девицу такову, яко и прежняя его царица была прекрасна*. Князи же и вельможи *начаша избирати и изыскивати такову девицу*. И егда же обретоша, пришедше царю и сказаша яко: *«Приискали тебе, государь, прекрасну девицу, а иныя не могли обрести»*. Посла же царь корету по нея и привезоша ю ко царю. Царь же поня ю себе царицею и живяше» (с. 260).

Утрата красавицы-жены, которая оставила по себе красавицу-дочь, и поиск царем новой невесты, обладающей равносильной красотой, знакома нам также по «Повести об Аполлонии Тирском», а именно по истории о греческом царе Антиохе. Обращает на себя внимание сходство между двумя повестями в выражениях и общей лаконичности повествования. Сравним:

Повесть об Аполлонии Тирском

Повесть о царе и его дочери

...да обрящут ему в жену *подобну первой прекрасную девицу* (с. 407).

...царь... повелевает им прибрать *девицу* такову, *яко и прежняя его царица была прекрасна* (с. 259).

При этом развитие истории в «Повести об Аполлонии Тирском» идет в другом русле. Не найдя красавицы, подобной первой жене, цесарь, поскольку «бе тогда безбожное время», побуждаемый дьяволом, влюбляется в свою дочь и принуждает ее жить с ним блудно.

Из других произведений, популярных в России еще в допетровское время, указанные мотивы – смерть матери, ее предостережение отцу ребенка, поиск достойной и красивой невесты по настоянию ближних советников и женитьба на красивой, но злой женщине – известны по рамочной повести о цесаре Елеазаре и его сыне Диоклетиане из многосоставной «Повести о семи мудрецах»¹¹.

Кроме названных повестей, мотивы утраты героиней (героем) матери и повторной женитьбы отца на красивой злодейке, встречаются в произведениях Петровской эпохи – русской адаптации французской сказки о Голубой птице и оригинальном памятнике «Гистория о Фенарсе и Феантере»¹². Однако, как мы могли видеть, наибольшую близость по отношению к «Повести о царе и его дочери» демонстрируют два памятника – «Повесть о царевне Персике» и «Повесть об Аполлонии Тирском». Совпадение завязок действия побуждает нас и в дальнейшем искать связи прежде всего с этими произведениями.

Преследование и неудачное покушение на жизнь падчерицы. Как во всех мировых сказках этого типа, так и в русских повестях обозначенного периода, преследование возникает из-за зависти мачехи к красоте падчерицы. При этом в «Повести о царе и его дочери», как и в «Повести о царевне Персике», злодейство замышляется мачехой под воздействием дьявола, ненавидящего добродетель. Сравним:

Повесть о царевне Персике

Повесть о царе и его дочери

Егда же узре ю мачеха ея Люция и абие *подивися красоте ея*; и от того часа *вложи в ню диавол ненависть на царевну Персику*. По прешествии же брака нача Люция завистию на царевну

Лютый же враг, искони ненависник творящим милостыни, *вложи в мысль царице*. По некоем времени призва к себе царица единого нищаго... Глагола царица к нищему: «Вы ходите по

¹¹ Отличием в двух произведениях выступает суть наказания умирающей: в «Повести о семи мудрецах» она просит супруга при женитьбе на другой женщине удалить сына в другую страну и не дать власти новой жене над пасынком (Повесть о семи мудрецах, с. 175).

¹² «Повесть о Флорине» (русская адаптация сказки М.-К. д'Онуа) дошла до нашего времени в единственном списке с незначительной утратой начала, поэтому выявление этого сходства основывается на французском оригинале. Найденная недавно «Гистория о Фенарсе и Феантере», список которой содержится в сборнике 30-х гг. XVIII в. и возникновение которой связано с Петровским временем, готовится в настоящее время к публикации.

Близкий АТУ 709 сюжет о преследовании мачехой красавицы-падчерицы содержит «Гистория о Фларенте и Георгии» (см.: *Курышева Л. А.* Сказочный сюжет о мертвой царевне в русской беллетристике XVIII в. (в печати)), найденная Ю. К. Бегуновым в сборнике конца 50-х гг. XVIII в. [Бегунов, 1993].

снелатися, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждыши ея быти. И, яко змия, скрываши яд свой, аки бы любяши ю; внутрь же, аки копием, завистию хотяше ю збости (с. 258).

всему нашему царьству и по иным странам и государьствам. И где видал такову прекрасную девицу, что я, царица?» И нищий рече: «Государыня наша, царица прекрасная, аз бывал во многих государьствах и странах и во градах и негде, государыня, не видал такой прекрасной девицы, что здесь у нашего царя дочь царевна, и тою несть краснее» (с. 260).

Мотив преследования добродетельной жены по воле дьявола встречается в других беллетристических произведениях – в «Повести о царице и львице»¹³, в «Повести об Ульянии Осорьиной» (Повесть об Ульянии..., с. 101)¹⁴. Кроме того, сходство с последним произведением и новонайденной повестью проявляется в том, что героиню отличает нищелюбие и странноприимство. Тема христианской заботы о нищих при характеристике царевны и роль нищих в сюжете являются весьма значимыми для «Повести о царе и его дочери». Необычной деталью сюжета выступает то, что усомниться в своей совершенной красоте царицу заставляет странствующий нищий, который говорит, что нигде не встречал такой красивой девушки, как царская дочь (см. цитату выше). И далее, по сюжету, подозрение, что ненавистная падчерица жива, у царицы возникает также из разговора с нищим. Эта яркая деталь не только имеет отношение к духу и реалиям эпохи, но поддерживается традициями словесности. Например, калики переходные выступают в роли вестников в былинах [Путилов, 1977].

Вернемся к мотиву преследования падчерицы из-за красоты. Такого рода преследование имеется также в «Повести об Аполлонии Тирском»: дочь короля Тарсиса живет в доме своих воспитателей, ее приемная мать Дионизия замышляет погубить Тарсису, потому что девушка затмевает красотой ее собственную дочь: «Прилучи же ся Дионизии некогда идти из божницы. Дщи же ея Филамацея пред нею в драгом одеянии грядаше, Тарсиса же за ними, яко служебница, идяше. Видевше же людие, начаша глаголати: “Сия, аще и не zde родися, но зело учтива и благообразна, а она, аще и предшествует, и украшена, обаче несть достойна тоя чести”. Услыша сия Дионизия, зело опустне и опечалися, слыша безчестие своея дщери, и нача помышляти, како бы кралеву Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестия не слышати» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 418).

В других памятниках рукописной беллетристики допетровского времени встречаются мотивы преследования героя и стремления его умертвить, но они построены на других парах, нежели мачеха и падчерица, а именно: мать-изменница и сын, цесарь и сын вассала, богатый купец и слуга. Это повести о Бове королевиче и о рождении и похождениях царя Соломона, «Приклад о цесаре Кон-

¹³ См. об этом: [Курьшева, 2017, с. 257].

¹⁴ Этот же мотив присутствует в «Повести о некоей купеческой дочери», единственный список которой был обнаружен в старообрядческом сборнике, датированном 80–90-ми гг. XVIII в. Памятник был опубликован и исследован М. Н. Климовой [1995; 2003; 2007; 2011]. Ср.: «Человеконенавистник же рода человеческого диавол, видя девицу в таковых в похвальных и добрых делах пребывающую, и поскреже на ню зубы своими, и нача ю возмущати на злое похотение... Видев же окаянный диавол, яко сам возмутити ея не возмог, нача возмущати... дому ея управителя» (История о некоей купеческой дочери..., с. 291).

раде и рыцаревом сыне» (из переводного сборника «Римские Деяния») и его русская обработка – «Сказание о богатом купце». В двух первых мать пытается избыть сына потому, что он узнает о ее неверности отцу. В двух других преследование связано с желанием преследователя избежать предсказанной судьбы.

В сюжетном узле о преследовании нередко появляется милостивый палач, который отпускает жертву и предоставляет преследователю подложные доказательства смерти. Это могут быть внутренности животного, отрубленные руки, палец жертвы и т. п.¹⁵ Милостивый палач нам известен по уже упомянутым повестям о Бове королевиче и о рождении царя Соломона, о цесаре Конраде и о богатом купце. В трех последних произведениях имеется мотив подмены: в качестве доказательства смерти жертвы милостивый палач приносит внутренности животного.

На этом этапе сюжетного развития опять же наибольшую близость к «Повести о царе и его дочери» обнаруживает «Повесть о царевне Персике». Сходство проявляется в заманивании царевны на прогулку в нелюдимые места и отсечении конечностей. В данном случае руки Персики и отъятый у царевны мизинный палец с перстнем, очевидно, выступают инвариантами:

Повесть о царевне Персике

Единою же прииде Люция к царевне Персике, скрывши яд свой змеин и глаголя ей: «Что zde, любезнейшая дщи моя, аки птица, в заключении сидиши? *Изыди ныне со мною на место прекрасное и тамо едины прохладимся!*» Царевна же рече ей: «Любезная мати моя! николиже навыхоу вне стен полат наших исходити еще при матери моей. *Ныне же ни отцу моему суцу zde и како восхоу изыти? Отец бо мой, аще увест мя исходящу, всячески гнев на мя воздвигнет!*» Люция же рече к ней: «Не ужасайся, возлюбленная дщи моя, никак отец твой сего не увест, едины бо токмо изыдем! ... и прохладившися со мною, паки тайно возвратиши!» ... Наложник же ея по научению прииде к чертогам царевны и даде ей весть. *Она же, тайно изшедши, седе в корету, никому же ведящу. Наложник же царицын нача гнати зело быстро. Она же, озревшися, видит себе токмо едину, в пустая места везому,* рече ему: «Камо везеши мя?» Он же рече ей: «По-

Повесть о царе и его дочери

Царица же шед скоро к царевне и позва ея в поле гулять. Она же не отречеся, но глаголя: «Добре, поедем, государыня моя». *И прослезися о здравии царя, отца своего. Царица же седе в корету, а царевну повеле посадити в другую корету. И поехала из царства вон.* Царица же путем своим поеде, царевну же повеле вести во ину страну ради смертнаго убийства. *И завезоша ея на некия дикия леса и непроходимыя и повелеша ея ис кореты изыти* и сказала ей повеленная от царицы, что повелено ей сотворити, скорой смерти предати ... Она же рече к ним: «Господие мои, аще хочете мя живу пустити, и вы отрежете мизинный перст и с перстнем от руки моя и отнесите царице и возвестите, что “повеленная тобою сотворили, царевну убихом и знак ея являем в правду”». Они же, слышавше сие, рекоша: «Буди, госпоже наша, по твоей воли». И отъяша

¹⁵ Милостивый палач и подмена внутренностями животного имеются в двух рукописных повестях XVIII в. – «Гистории об италианском купце Феодоне и о дочери его Освилберде и о гишпанском министре Ордоне» (сердце свиньи) и «Истории о некоей купеческой дочери...» (печень и сердце вепря). Первое произведение до сих пор не издано, мы знаем его по пересказу С. Ф. Елеонского [1959].

веленное мне от царицы творю». Царевна же позна бедство свое, нача горько плакати и призывати Пресвятую Богородицу ... *Наложник же царицын, привезши ю в пустая места, ко границам кралевства Пефлагонскаго, и изведе из кареты. И взял нож, отреза ей руки по локти; и остави ю ту на земли, аки мертву. Сам же, взял с собою руце ея, во уверение царицы, и погна паки к царицы»* (с. 258–259).

от руки ея мизинный перст и с перстнем и *оставиша ея в пусте месте, а сами возвратишася во царство к царице»* (с. 260).

Как мы можем видеть из приведенных цитат, казалось бы немотивированные в «Повести о царе и его дочери» слова о том, что сразу после согласия отправиться на прогулку царевна вспоминает об отце, молится о его здравии, могут быть объяснены именно через «Повесть о царевне Персике», поскольку там имеется развернутый диалог между мачехой и падчерицей, из которого становится ясно, что поначалу царевна не решается покинуть дворец в отсутствие отца.

Кроме того, в обеих повестях покушение на убийство совершается по отъезде царя на войну: царь Михаил вместе с королем Киром «отыде... на брань противу ратующих ему» (Повесть о царевне Персике, с. 258); «Время же малу минувшу пойде царь с силою ратию на некую дальнюю страну» (Повесть о царе и его дочери, с. 260)¹⁶.

При этом, строго говоря, в процитированном отрывке из «Повести о царевне Персике», описывающем первое покушение на царевну, нет милостивого палача (он появляется при повторном покушении). У слуги из первого эпизода нет моральных колебаний: он отрубает руки, оставляет царевну на смерть и только заступничество Богородицы спасает девушку. В этом моменте «Повесть о царе и его дочери» имеет большее сходство с другими произведениями рукописной беллетристики. Описание того, как угрозами преследователь вынуждает слуг участвовать в злодейском деле, мы находим в «Повести о царице и львице» и в «Повести об Аполлонии Тирском»¹⁷.

В некоторых популярных в России литературных памятниках в описаниях покушения уделено внимание тому, как назначенные на совершение убийства слуги находятся в растерянности, льют слезы и не знают, что предпринять, и только жертва преследования проявляет мудрость и смирение. Сравним:

Повесть о царевне Персике

Персика же, видевши их, восплакася горько и рече: «Воля Божия да будет! Твори вскоре, еже ти повеленно есть. Аще бы аз была праведна пред Богом, не бы тако изволилося влады-

Повесть о царе и его дочери

И сия им изрекшим, зряше на царевну и вельми плачуще и неведуще, что сотворити ей. Царевна же рече им с плачем горьким: «Господие мои, воля ваша буди и со мною, токмо прошу не

¹⁶ В «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» (распространенная редакция) злодейство совершается также по отъезде отца, который отбыл «в весь некую ради потешения» (Повесть о рождении царя Соломона, с. 347).

¹⁷ Ср.: (Повесть о царе и его дочери, с. 260; Повесть о царице и львице, с. 427–428; Повесть об Аполлонии Тирском, с. 418).

кам моим о мне помыслити. Твори вскоре!» Кралева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персике что злое сотворити. Но та надлежаше, да сотворит повеленное» (с. 264).

попомните грубости моей к вам да не оскверните тела моего». Они же зряще на ню, плачуще и не ведуще, что сотворити ей» (с. 260–261).

Из других литературных памятников схожие мотивы обнаруживаются в «Повести о рождении царя Соломона»: оба – царевич Соломон и безымянная царевна – покоряются своей судьбе, слуги, которым приказано совершить убийство, страдают и льют слезы, обеим жертвам приходит мысль о спасении, и они просят отпустить их (ср.: Повесть о рождении царя Соломона, с. 347).

Эпизод с палачом из «Повести об Аполлонии Тирском», несмотря на то что в нем нет помилования жертвы, представляет для нас интерес. Посланный на убийство слуга тоже плачет над участью Тарсисы, однако не щадит ее и от смерти царевну избавляет внезапный приезд разбойников:

Феофил же рече: «Плачи и веждь: аз убо сия творю неволю моею». Егда же Тирсиса нача плакати неутешными и горкими слезами, тогда по прилучию подъехаша разбойницы по морю, и вышедше на брег, и сидяще. Увидевше же мужа стояща и мечь держаща, крикнуша, скочивше. Феофил же, узрев человек, побеже и утече. И притече в дом, сказа злей своей господине, яко уби Тарсису. Разбойницы же взявше ю, привезоша ко некоему граду ... и между иными куплями посадиша ю продати» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 419).

Отзвук истории об увозе девушки разбойниками, которая таким образом избежала смерти, есть в «Повести о царе и его дочери»: мачеха узнает о том, что царевна жива, и призывает к ответу слуг, которым она поручила умертвить падчерицу. Они рассказывают, что якобы приехали неизвестные люди и увезли ее:

Царица же возьярися диавольским навождением и вскоре призва к себе ближних рабов, которые тою царевну возили ко убийству. Они же пришедше поклонившася царице, она же их нача вопрошати с великим пристрастием о царевне. Они же ей сказаша: «Государыня наша царица, егда мы у царевны мизинный перст от руки ея с перстнем отъяли, тогда не вем с кую страну наехали незнаемые люди и ея, царевну, у нас отняли. И тебе, царице, того мы сказать не смели, бояся смерти» (Повесть о царе и его дочери, с. 263).

Избежав смерти, безымянная царевна из «Повести о царе и его дочери» остается в пустынном месте: «Царевна же Божиими судьбами ходаше много непроходимыми лесами никому знаема и не видех ни зверей, ни птиц. *Пища же ея бяше от земли былие*» (Повесть о царе и его дочери, с. 261). Этот же мотив пустого места и собирания травинки в качестве пищи мы встречаем в «Повести о царевне Персике». Отвезенная милостивым палачом в лес, безрукая красавица засыпает в молитве. Во сне к ней является Богородица и прикладывает отсеченные руки, от чего царевна становится здорова. Персика пробуждается от сна, благодарит

Богородицу: «воставши, нача по лесу прохаждати. *И собираше зелие пустынное и тем питашеся*» (Повесть о царевне Персике, с. 265)¹⁸.

Приют, повторное покушение и временная смерть (подобие смерти). Избегнув опасности, героиня «Повести о царе и его дочери» обретает пристанище в доме девяти братьев, становится им названной сестрой. Мачеха узнает о том, что царевна жива, и вновь покушается на нее – посылает отравленную сорочку, надев которую царевна обмирает. Обустроив гробницу, братья закалываются. Во время охоты королевич находит мертвую девушку, которая при этом выглядит живой. Он влюбляется в мертвое тело, увозит к себе. Когда сорочку снимают, царевна оживает и выходит замуж за своего спасителя. Они приезжают в дом девяти братьев, вынимают копья из тел погибших и братья оживают. Все прославляют всещедрого Бога. Спасенная девушка и ее жених приезжают в дом ее отца, который считал дочь погибшей. Повесть заканчивается описанием того, как была наказана мачеха-злодейка.

Несмотря на другое построение эпизодов, именно «Повесть о царевне Персике» вновь оказывается самой близкой к исследуемому нами произведению. Кратко перескажем соответствующую часть: королевич Евгений, будучи в лесу на охоте, находит безрукую царевну Персику, влюбляется и женится на ней; она рождает ему двух детей, но скрывает свое происхождение; царь Михаил, отец Персики, делает Евгения своим наследником, а злая царица Люция пытается соблазнить, при этом догадывается, что он женат на ее ненавистной падчерице, и покушается на жизнь царевны повторно (подменяет письма, в которых от имени отца и сына велит казнить Персику и ее сыновей). Получив указ, дворецкий решает его послушаться: пощадив Персику, увозит ее на прежнее место, где когда-то она была найдена в лесу, и оставляет там с детьми. Узнав о злодействе, муж Персики и ее свекор вначале от отчаяния хотят заколоть себя. Затем Евгений отравляется в лес на ее поиски и не надеется застать живой, однако обретает совершенно здоровой, с руками, которые ей вернула Богородица. Финал с возвращением дочери к отцу и наказанием злодейки в общих чертах подобен «Повести о царе и его дочери» (детали разнятся).

Сопоставление описанных фрагментов приводит нас к выводу о сходстве двух повестей в эпизодах, но не в их последовательности. Говоря предельно обобщенно, зеркально соотносятся повторное покушение мачехи на царевну и встреча царевны с королевичем. Далее мы рассмотрим детализацию сходных эпизодов в этих произведениях и попытаемся найти параллельные места необычным моти-

¹⁸ Эти же мотивы пребывания в густом лесу, в диком месте, и «былия», которым питается героиня, повторены в «Истории о некоей купеческой дочери». Завезенная братом в дикое место, избежав смерти от его рук, девушка «пошла в прегустейший лес и тамо пребываше... а питалася былием и травую пустынную во многия лета» (История о некоей купеческой дочери..., с. 295–297). Кроме того, в ней же встречаем мнимые похороны с использованием куклы. В «Повести о царе и его дочери» мачеха устраивает ложное погребение, велев изготовить «болван деревян», а в «Истории о некоей купеческой дочери» свекровь велела закупить «несколько пудов ярова белаго воску... изыскать добрых шуко-туров и приказа из того воску во подобие человеческого корпусу болванов сделать, потом изыскала мудрых малерови велела на тех статуях намалевать прямым существом яко тела, убрала их в погребальне платье, и повелела сделать большую гробницу» (История о некоей купеческой дочери..., с. 306). Сам мотив подмены куклой известен по «Повести о семи мудрецах».

вам «Повести о царе и его дочери» в других произведениях русской беллетристики.

В «Повести о царевне Персике» королевич обретает красавицу в лесу дважды и каждый раз после покушений мачехи на ее жизнь: в первый раз с отсеченными руками, во второй раз на том же месте, но с чудесно возвращенными руками. В «Повести о царе и его дочери» королевич находит красавицу в лесу единожды. Рассмотрим подробнее.

В обеих повестях встреча происходит благодаря тому, что королевич отправляется на охоту и, разлучившись со слугами, оказывается в отдаленном месте. Королевич Евгений из «Повести о царевне Персике», находит царевну без рук, истекающую кровью, при смерти, и, влюбившись в нее, забирает во дворец. Ведомый неким зверем, безмянный королевич из «Повести о царе и его дочери» находит в лесу гробницу с прекрасной девушкой, по возвращении не может забыть о ней и тайно переносит тело в свой дворец¹⁹. В описании царевен одинаково подчеркнута неугасимая красота, которую не может победить даже смерть. Сравним:

Повесть о царевне Персике

И узрев ю, прекрасну сушу, и в златом одеянии; аще бо и кровию истощица, обаче красота ее не увяде ... Егда же кралевич узре ю, воззревшую на него, паче уязвися сердечною» (с. 260).

Повесть о царе и его дочери

...видеша гробницу и узре в ней прекрасную девицу аки сном уснувиу. И обья его печаль велия о девице ... И королевич нача во уме своем держати про умершую девицу и часто поминати красоту ея (с. 265).

В уже упомянутой «Повести об Аполлонии Тирском» также есть якобы мертвая красавица. Король Аполлоний берет с собою на корабль жену, королеву Лучницу, которая находится на сносях. Тяготы морского пути приводят к тому, что после рождения дочери королева впадает в подобие смерти: «Егда же породила, бысть яко мертва, никоим же удом подвижна, ниже дыхание в ней обретется, и вси ю нещцеваху мертву» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 415). Корабельщики, опасаясь гнева моря и погибели всем за мертвеца на судне, уговаривают горюющего царя расстаться с мертвым телом. Аполлоний Тирский велит устроить лодку, украсить ее, облечь тело супруги в дорогое одеяние, кладет в лодку деньги и письмо с тем, чтобы нашедший тело сделал погребение «по царскому достоинству» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 415). Через три дня лодка пристает к Эфесу, ее находит доктор: «Егда же ю откры, узре честную госпожю в драгоценном одеянии лежащу, повеле ю изяти и в дом свой с честью нести». Тело готовят к погребению, в это время приходит ученик доктора Силемон, посмотрев на тело, говорит: «Таковаго мертвеца, яко же сей, никогда же видел: лице не отменися, красота не пременися, очи не впадоша, но не обострися, плоть не отерпе. Истинно есть живот в ней, но некая ю лютая немощь омертвила». Далее в повести описываются медицинские манипуляции – отворение крови, согревание тела теплом и мазями. Постепенно царица приходит в себя. Наконец, ученик док-

¹⁹ Мотив зверя, который приводит героя Божьим соизволением в нужное место, мы встречаем в нескольких популярных беллетристических произведениях XVII в. – в «Повести о царе Аггее», в «Прикладе о Евстахии Плакиде» из сборника «Римские Деяния».

тора «воздвиге ю, подав ей легкое внутреннее лекарство, и быть велми красна и здрава» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 416).

Описание в «Повести об Аполлонии Тирском», как мы могли видеть, отличается от двух других произведений физиологическими и медицинскими подробностями. При этом в повестях о царице Персике и об Аполлонии Тирском звучит мотив дорогой, богатой, золотой одежды, в которую облачена никому не известная мертвая (почти мертвая) красавица. Богатая одежда присутствует и в «Повести о царе и его дочери». Более того, она – именно тот волшебный предмет, с помощью которого мачеха наносит вред царице: «Царица же повеле нищему прийти к себе в удобное время и диавольским коварством сотвори сорочьку вельми прекрасну, златом и серебром и жемчугом учрежденну. И повеле ея натерти лютым зелием. И призва к себе ницаго и даде ему другую сорочьку и повеле ему отнести прекрасной девиче <...> поиде во особую полату и взя с собою срацицу и надела на себя и умре от нея» (Повесть о царе и его дочери, с. 261–262).

К обязательным звеньям сюжета АТУ 709 С. С. Джонс относит попытки изжить падчерицу при помощи отравленных предметов, выставление гроба на обозрение и кражу мертвого тела, которое остается свежим и сохраняет красоту, обретение приюта в далеком доме (приводим перечень не в хронологическом порядке). Перейдем к поиску параллелей к ним в рукописной традиции.

Такой сюжетной детали, как отравленная сорочка, мы не нашли никаких параллелей в русской беллетристике за исключением более поздней по происхождению «Истории о Фларенте и Георгии»²⁰. Однако некоторые детали были знакомы русским читателям по другим произведениям. Сейчас мы их рассмотрим.

По «Повести об увозе Соломоновой жены» нам известно волшебное зелье, которое вызывает подобие смерти. В «Поровской» и «Кипрской» редакциях этой повести при помощи такого зелья царица-изменница бежит к недругу царя Соломона – царю Пору. В этом же произведении есть помещение во гроб якобы мертвого тела царицы, а также кража тела из гробницы [Ярошенко-Титова, 1974, с. 267–269].

Покушение на жизнь через отравление мы встречаем в «Повести о Бове королевиче». Желая известить сына, мать посылает Бове хлебцы, замешанные на змеином сале, и только предостережение девки-служанки избавляет Бову от смерти²¹.

Еще один популярный мотив – утрата красоты от печали и слёз. В «Повести о царе и его дочери» королевич горюет над мертвой царицей: «Сам же на всякое время прихождаше к ней и открываше гробницу и плакася горко, на красоту ея смотря. *И лице его красоты своя изменися*. Мати же его, королевича, смотря на сына своего *красоту погибшую*» (Повесть о царе и его дочери, с. 265). Подобный мотив утраты красоты (и ее возвращения) играет сюжетобразующую роль в «Повести о королевиче Валтасаре»; его происхождение исследователи возводят к линии Астульфа из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд» [Новицкая, Ромодановская, 1998, с. 195].

Эпизод проживания царицы в лесу в доме «девяти братьев» не находит аналогов в рукописной беллетристике XVII–XVIII вв., но известен по более поздним фольклорным записям сказок в виде эпизода о проживании названной сестры

²⁰ Подробнее об этом: *Курышева Л. А.* Сказочный сюжет о мертвой царице в русской беллетристике XVIII в. (в печати).

²¹ Ср. с мотивом приворотного зелья в более позднем памятнике: «обаяния же и отравы в яствах и питиях многажды ей подаше», однако девушку защищают Господь и отцовское благословение (История о некоей купеческой дочери..., с. 292).

у лесных разбойников [Курьшева, 2018, с. 145]²². Упомянем лишь о сюжетной коллизии в «Гистории о российском матросе Василии Кариотском» – пленении королевы Ираклии на острове у разбойников, которую спасает главный герой.

Еще один сюжетный поворот «Повести о царе и его дочери» не имеет прямых параллелей с сюжетным фондом рукописной беллетристики рассматриваемого периода; он же не является обязательным для сказочного сюжета АТУ 709. Это встреча царевны со змеем и победа над ним с помощью хитрости²³. Однако сама тема сожительства со змеем – в нашей повести змей предлагает царевне, если она убьет братьев, выйти за него замуж или любое другое вознаграждение – имеет традиции в беллетристике этого периода. В «Повести о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем» (начало XVIII в.) герой спасает свою жизнь и освобождает царевну от связи со змеем²⁴. Царевна в нашей повести притворяется согласной и приносит змею отравленное зелье – «вареные цветы», от чего злодея рвет на мелкие части. В «Повести о купце, купившем мертвое тело...» герой справляется со змеем и его гнездом, дробя их на части клешнями. В сходных выражениях описана в обеих повестях эта победа над змеем:

Повесть о царе и его дочери

Она же посади его за стол и принесе ему вареные цветы и вля в челюсти его. Он же, триглавый, нача зияти, и потом *нача его рвати на малыя части ...* Тогда возбудися болий брат и *нача вопити велиим гласом ...* Братия же шедше в полату вскоре и *видеша лютаго змия убита* и лежаща мертва и *возрадовашася радостию великою зело* и прославиша всещедраго Бога и лобызаша царевну (с. 262).

Повесть о купце,
купившем мертвое тело...

Слуга же ... взя клещи, ста у кровати, и виде исходящее изо уст ея змия велика, взя клещами за шею и удва его и, *раздробя в мелкие части*, спрята <...> Потом утру же светающу, царь же послаше друшку: «Поиди, выкини кости, чаю, давно уже змий заел» <...> Слуга же отвеща: «В добром здравии и лиходея нашего, змия, уходили!» Друшка же *возопи великим гласом к царю ...* Царь же *велми возрадовася ...* и виде молодых в добром здравии, а *змия убита, возрадовашеся радостию великою зело*, а слугу почти и одари дарами честно (с. 77–78).

Дополнительно отметим, что в беллетристике этого периода результат отравления нередко описывается как разъятие на мелкие части. Так, в «Повести о Бове королевиче» Милитриса Кирбитьевна готовит отравленные хлебцы для своего сына. Предупрежденный служанкой, Бова бросает хлеб собакам: «И сколь скоро

²² Мотивные варианты сюжетной ситуации «человек в чужом доме» исследованы в статье [Неклюдов, 2016]; о пребывании девушки в лесном доме в фольклоре см.: [Неклюдов, 2011].

²³ При этом в виде инварианта этот эпизод встречается в фольклорных записях, например в конспекте сказки, сделанной А. С. Пушкиным: [Курьшева, 2018].

²⁴ Тема любовной связи со змеем встречается в русском эпосе, например в былинах о Потыке и Авдотье Лиходеевне – Добрыня и Маринка.

выжлецы хлебцы съели, и скоряя тово их розрвало по макову зерну» (Повесть о Бове королевиче, с. 278–279).

Перейдем к выводам. Сопоставление «Повести о царе и его дочери» с сюжетно-мотивным фондом русской рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. демонстрирует ее укорененность в русской словесности. Более того, текстовые совпадения с такими сюжетно близкими памятниками, как «Повесть об Аполлонии Тирском» (русская обработка польского источника, возникшая не позднее 1670-х гг.) и «Повесть о царевне Персике» (рубеж XVII–XVIII вв.), приводят нас к версии о рождении русского варианта сказочного сюжета АТУ 709 именно из этих произведений. Краткость, стянутость повествования в «Повести о царе и его дочери» по отношению к своим источникам, аналогичная по своим приемам тому, как соотносится «Повесть о царице и львице» и ее источник – «История о цесаре Отоне», ставит вопрос о принадлежности русских обработок одному книжнику или одной творческой школе. Последнее предположение является предварительным и нуждается в более детальном изучении.

Список литературы

Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века о Георгии и Фларенте // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 383–386.

Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах. II. Повесть и сказки об оклеветанной дочери // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 44, вып. 8: Русская литература. С. 19–34.

Климова М. Н. «История о некоей купеческой дочери» – неизвестный памятник поздней рукописной традиции // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. С. 33–37.

Климова М. Н. «История о некоей купеческой дочери и о ее злострании, како много претерпе от зависти любовной» // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 287–289.

Климова М. Н. О двух беллетристических текстах из старообрядческого сборника конца XVIII в. (В-777) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 80–89.

Климова М. Н. Авторская обработка международного сюжета в сибирском сборнике конца XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8: Филология. С. 159–164.

Кузьмина В. Д. Источник повести о царевне Персике // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 449–452.

Кузьмина В. Д. Вопросы сравнительно-исторического изучения сюжета в восточнославянской и южнославянской литературной традиции (Невинногонимая безрукая падчерица) // VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Славянские литературы. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 166–186.

Курьшева Л. А. О новонайденной «Повести о некоем царе и о дщери его» (РО РНБ, фонд И. А. Шляпкина, сборник повестей XVIII в.) // XVIII в. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII в. / Отв. ред.: Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 252–267.

Курьшева Л. А. Еще раз о пушкинской записи сказки о мертвой царевне // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 140–151.

Курьшова Л. А., Карева Н. В. Русские версии французской галантной сказки // *Курьшова Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю.* Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 158–200.

Мальшев В. И. Усть-Цильмская обработка «Повести о царевне Персике» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 326–337.

Неклюдов С. Ю. Голая невеста на дереве // Славянский и балканский фольклор / Отв. ред. А. В. Гура. М., 2011. Вып. 11: «Виноградье». С. 195–204.

Неклюдов С. Ю. Человек в чужом доме // *Свое среди чужого, чужое среди своего*: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Е. Е. Жигарина, Ю. Н. Наумова. М.: Форум, 2016. С. 235–258.

Новицкая М. Ю., Ромодановская Е. К. Об источниках и структуре Повести о королевиче Валтасаре // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск: Наука, 1998. С. 191–209.

Путилов Б. Н. Комментарий к духовному стиху «Сорок калик со каликою» // Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 443–444.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.

Соколова Л. В. Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 342–355.

Соколова Л. В. Две русские редакции XVII в. Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 313–322.

Соколова Л. В. Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 279–291.

Соколова Л. В. Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике «Повести о царице и львице» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98–113.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 2: Филология. С. 108–115.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице: вторичные варианты и редакции // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 27–35.

Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 257–273.

Jones S. S. The Construction of Folktale “Snow White”. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English and Folklore in the Graduate Division of the University of California, Davis, 1979.

Kawan Ch. S. A Brief Literary History of Snow White // *Fabula*. 2008. No. 49 (3–4). P. 325–342.

Malek E. «История о цесаре Отоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки. (Исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с.

Список источников

Гистория о Фларенте и Георгии – Гистория о французской королевне Фларенте и о королевиче Георгии италианском и о прочих малтийских ковалерах / Подгот. Ю. К. Бегуновым // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 386–397.

История о некоей купеческой дочери и о ея злострадании, како много претерпе от зависти любовной / Подгот. М. Н. Климовой // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 290–308.

Повесть о Бове королевиче / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 275–300.

Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 71–78.

Повесть о рождении царя Соломона – Повесть о рождении и похождениях царя Соломона / Подгот. Л. В. Титовой // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 344–363.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. текста и коммент. И. Д. Казовской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15 (XVII век). С. 175–227.

Повесть о Флорине / Подгот. Л. А. Курьшевой // Курьшева Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю. Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 327–350.

Повесть о царе и его дочери – Повесть о некоем царе и о дщери его / Подгот. Л. А. Курьшевой // XVIII в. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII в. М.; СПб., 2017. С. 259–267.

Повесть о царевне Персике / Подгот. В. В. Сиповским // Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 254–267.

Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 427–441.

Повесть об Аполлони Тирском / Подгот. текста и коммент. Л. В. Соколовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 407–426.

Повесть об Ульянии Осорбиной / Подгот. текста и коммент. Т. Р. Руди // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 98–104.

References

Begunov Yu. K. Neizvestnaya rukopisnaya povest' pervoy poloviny 18 veka o Georgii i Flarente [Unknown handwritten story of the first half of the 18th century about George and Flarent]. In: *18 vek. Sb.* [18th century. Coll.]. St. Petersburg, Nauka, 1993, vol. 18, pp. 383–386.

Chalkova T. F. O strukture i zhanrovoy spetsifike “Povesti o tsaritse i l’vitse” [On the structure and genre specifics of the tale of the queen and the lioness]. In: *Памятники литературы и обшчественой mysli epokhi feodalizma* [Monuments of literature and social thought of the era of feudalism]. Novosibirsk, 1985, pp. 98–113.

Chalkova T. F. Povest' o tsaritse i l'vitse: osobennosti khudozhestvennoy struktury [The tale of the queen and the lioness: features of the artistic structure]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, iss. 2: Filologiya [Philology]. pp. 108–115.

Chalkova T. F. Povest' o tsaritse i l'vitse: vtorichnye varianty i redaktsii [The tale of the queen and the lioness: secondary versions and editions]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 2, pp. 27–35.

Eleonskiy S. F. Starinnye perevodnye povesti v russkikh narodnykh pereskazakh. 2. Povest' i skazki ob oklevetannoy docheri [Old translated stories in Russian folk tellings. 2. The tale and tales of the slandered daughter]. *Uchen. zap. Mosk. gor. ped. in-ta im. V. P. Potemkina*. 1959, vol. 44, iss. 8: Russkaya literatura [Russian Literature]. pp. 19–34.

Jones S. S. *The Construction of Folktale "Snow White"*. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English and Folklore in the Graduate Division of the University of California, Davis. 1979, 226 p.

Kawan Ch. S. A brief literary history of Snow White. *Fabula*. 2008. no. 49 (3–4), pp. 325–342.

Klimova M. N. Avtorskaya obrabotka mezhdunarodnogo syuzheta v sibirskom sbornike kontsa 18 veka [Author's processing of the international plot in the Siberian collection of the end of the 18th century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10: Filologiya [Philology]. iss. 8, pp. 159–164.

Klimova M. N. "Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri i o eya zlostradanii, kako mnogo preterpe ot zavisti lyubovnoy" ["The story of a certain merchant's daughter and her suffering, how much she suffered from love envy"]. In: *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki "vysokoy" i "nizovoy" kul'tury v Rossii 16–20 vv.* [Historical and literary monuments of "high" and "lower" culture in Russia in the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 2003, pp. 287–289.

Klimova M. N. "Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri" – neizvestnyy pamyatnik pozdney rukopisnoy traditsii ["The story of a certain merchant's daughter" – an unknown monument of the late manuscript tradition]. In: *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of book collections of the Tomsk University Library]. Tomsk, 1995, pp. 33–37.

Klimova M. N. O dvukh belletristicheskikh tekstakh iz staroobryadcheskogo sbornika kontsa 18 v. (V-777) [On two fictional texts from the Old Believer collection of the late 18th century. (B-777)]. In: *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of Russian book literature: new texts, new interpretations]. Novosibirsk, 2007, pp. 80–89.

Kuryшева L. A. Eshche raz o pushkinskoy zapisi skazki o mertvoy tsarevne [Once again about Pushkin's recording of the dead princess's tale]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 4, pp. 140–151.

Kuryшева L. A. O novonaydennoy "Povesti o nekoem tsare i o dshcheri ego" (RO RNB, fond I. A. Shlyapkina, sbornik povestey 18 v.) [About the newly found "The tale of a certain king and his daughter" (RO RNB, I. A. Shlyapkin's fund, collection of novels of the 18th century)]. In: *18 v. Sb. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii 18 v.* [18th century. Coll. 29: Literary life of Russia in the 18 century]. N. D. Kochetkova, S. I. Nikolaev (Eds.). Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017, vol. 29, pp. 252–259.

Kuryшева L. A., Kareva N. V. Russkie versii frantsuzskoy galantnoy skazki [Russian versions of the French gallant tale]. In: Kuryшева L. A., Kareva N. V., Fedyukin I. I.,

Solomein A. Yu. *Kul'turnyy import "politichnykh obkhozheniy": Russko-evropeyskie kontakty i perevodnaya belletristika v Petrovskuyu epokhu* [Cultural import of "polite manners": Russian-European contacts and translated fiction in the Petrine time]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2022, pp. 158–200.

Kuz'mina V. D. *Istochnik povesti o tsarevne Persike* [The source of the story about Princess Persika]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1958, vol. 14, pp. 449–452.

Kuz'mina V. D. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya syuzheta v vostochnoslavlyanskoy i yuzhnoslavlyanskoy literaturnoy traditsii: (Nevinnogonimaya bezrukaya padcheritsa [Issues of comparative historical study of the plot in the East Slavic and South Slavic literary tradition: (Innocent, mute, armless stepdaughter)]*. In: *6 Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968): Slavyanskaya literatura. Doklady soverskoy delegatsii* [6 International Congress of Slavists (Prague, August 1968): Slavic Literature. Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 166–186.

Malek E. *"Istoriya o tsesare Otone" v drevnerusskom perevode i ee pozdneyshie obrabotki. (Issledovanie i izdanie tekstov)* ["The story of Caesar Otton" in Old Russian translation and its later adaptations. (Research and publication of texts)]. Warszawa, BEL Studio, 2021, 825 p.

Malyshev V. I. *Ust'-Tsil'mskaya obrabotka "Povesti o tsarevne Persike"* [Ust-Tsilma adaptation of "The tale of Princess Persika"]. In: *Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Research and materials on ancient Russian literature]. Moscow, 1961, AN SSSR, pp. 326–337.

Neklyudov S. Yu. *Chelovek v chuzhom dome* [Man in a strange house]. In: *Svoe sredi chuzhogo, chuzhoe sredi svoego: Sb. nauch. st.* [Our own among strangers, strangers among our own: Coll. of sci. art.]. E. Neklyudov, E. E. Zhigarina, Y. N. Naumova (Eds.). Moscow, 2016, Forum, pp. 235–258.

Neklyudov S. Yu. *Golaya nevesta na dereve* [Naked bride on a tree]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan folklore]. A. V. Gura (Ed.), 2011, iss. 11: "Vinograd'e". pp. 195–204.

Novitskaya M. Yu., Romodanovskaya E. K. *Ob istochnikakh i strukture Povesti o koroleviche Valtasare* [On the sources and structure of the tale of King Belshazzar]. In: *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii 16–20 vv.* [The history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 191–209.

Putilov B. N. *Kommentariy k dukhovnomu stikhu "Sorok kalik so kalikoyu"* [Commentary on the spiritual verse "Forty kaliks with kaliks"]. In: *Drevnie rossiyskie stikhovoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirshe Danilov]. A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov (Comps.). 2nd ed. Moscow, Nauka, 1977, pp. 443–444.

Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni: puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian literature on the threshold of a new age: ways of formation of Russian fiction of the transitional period]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 232 p.

Sokolova L. V. *Dve russkie redaktsii 17 v. Povesti ob Apollonii Tirskom* [Two Russian redactions of the 17th century. The tales of Apollonius of Tiresias]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1979, vol. 34, pp. 313–322.

Sokolova L. V. *Literaturnaya istoriya Povesti ob Apollonii Tirskom* [Literary history of the Apollonius of Tyre's tale]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1982.

Sokolova L. V. Literaturnye obrabotki 18 v. Povesti ob Apollonii Tirskom [Literary adaptations of the 18th century. The tales of Apollonius of Tyre]. In: *Istochnikovedenie literatury Drevney Rusi* [Source study of the literature of Ancient Rus]. Leningrad, 1980, pp. 279–291.

Sokolova L. V. Ob istochnike perevoda Povesti ob Apollonii Tirskom [On the source of the translation of the tale of Apollonius of Tyre]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1977, vol. 32, pp. 342–355.

Yaroshenko-Titova L. V. “Povest’ ob uvoze Solomonovoy zheny” v russkoy rukopisnoy traditsii 17–18 vv. (Kharakteristika redaktsiy) [“The tale of the taking away of Solomon's wife” in the Russian manuscript tradition of the 17th–18th centuries. (Characteristics of the editions)]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1974, vol. 29, pp. 257–273.

List of sources

Gistoriya o Flarente i Georgii – Gistoriya o frantsuskoy korolevne Flarente i o koroleviche Georgii italianskom i o prochikh maltiyskikh kovalerakh [The story of Flarente and George – The story about the French queen Flarente and the queen George Italian and other Maltese kovalers]. Yu. K. Begunovym (Comp.). In: *18 vek. Sb. 18* [18th century. Coll.]. St. Petersburg, Nauka, 1993, pp. 386–397.

Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri i o eya zlostradanii, kako mnogo preterpe ot zavisti lyubovnoy [The story about a certain merchant's daughter and about her suffering, how much she suffered from the envy of love]. M. N. Klimova (Comp.). In: *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki “vysokoy” i “nizovoy” kul'tury v Rossii 16–20 vv.* [Historical and literary monuments of “high” and “grassroots” culture in Russia 16–20 centuries]. Novosibirsk, 2003, pp. 290–308.

Povest’ ob Apollonii Tirskom [The tale of Apollonius of Tyre]. L. V. Sokolova (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 407–426.

Povest’ o Bove koroleviche [The tale of Bovo Korolevich]. A. M. Panchenko (Text prep. and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 275–300.

Povest’ ob Ul'yanii Osor'inoy [The tale of Ulyania Osoryina]. T. R. Rudi (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 98–104.

Povest’ o Florine [The tale of Florina]. L. A. Kuryshcheva (Prep.). In: Kuryshcheva L. A., Kareva N. V., Feduykin I. I., Solomein A. Yu. *Kul'turnyy import “politichnykh obkhozhdeniy”*: *Rusko-evropeyskie kontakty i perevodnaya belletristika v Petrovskuyu epokhu* [Cultural import of “political circumlocutions”: Russian-European contacts and translated fiction in the Petrine Epoch]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2022, pp. 327–350.

Povest’ o kuptse, kupivshem mertvoe telo i stavshem tsarem [The tale of a merchant who bought a dead body and became a tsar]. N. S. Demkova (Text prep. and comm.).

In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 71–78.

Povest' o rozhdenii tsarya Solomona – Povest' o rozhdenii i pokhozheniyakh tsarya Solomona [The tale of the birth of King Solomon]. L. V. Titova (Prep.) In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1977, vol. 33, pp. 344–363.

Povest' o semi mudretsakh [The tale of the seven wise men]. I. D. Kazovskaya (Text prep. and comm.). In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka, 2006, vol. 15 (17 vek) [the 17th century], pp. 175–227.

Povest' o tsare i ego docheri – Povest' o nekoem tsare i o dshcheri ego [The tale of the tsar and his daughter – The tale of a certain tsar and his daughter]. L. A. Kuryshcheva (Prep.). In: *18 v. Sb. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii 18 v* [The 18th century. Coll. 29: Literary Life of Russia in the 18th c]. Moscow, St. Petersburg, 2017, pp. 259–267.

Povest' o tsarevne Persike [The tale of tsarevna Persik]. V. V. Sipovskim (Prep.). In: Sipovskiy V. V. *Russkie povesti 17–18 vv.* [Russian stories of the 17th–18th centuries]. St. Petersburg, 1905, pp. 254–267.

Povest' o tsaritse i l'vitse [The tale of the queen and the lioness]. T. F. Chalkova (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 427–441.

Информация об авторе

Любовь Александровна Курьшева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-9651-2018

Information about the author

Lyubov A. Kuryshcheva, Candidate of Philology, Leading Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-9651-2018

*Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 21.07.2023
The article was submitted on 10.06.2023;
approved after reviewing on 21.07.2023; accepted for publication on 21.07.2023*